

И. Г. ЦЕРЕТЕЛИ

<Керенский... имел большие субъективные наклонности к сильной власти, командованию>

<...> Положение Керенского в правительстве стало очень трудным. Во время апрельских событий он оставался в тени, оказавшись неспособным ни предотвратить, ни смягчить конфликт правительства с советской демократией.

Теперь, вместе с левым крылом правительства, он стремился способствовать образованию коалиции и сообщил лидерам социалистов-революционеров Чернову и Гоцу¹ о своем намерении уйти из правительства, если коалиция не будет принята.

В день опубликования правительственного «Обращения к стране»² Керенский, со своей стороны, опубликовал составленное для него Черновым письмо, в котором заявлял, что, вступив в правительство на свой личный риск и страх, чтобы служить соединительным звеном между правительством и трудовой демократией, он — не сможет больше оставаться в правительстве без формального мандата, так как положение дел в стране осложнилось, а силы организованной трудовой демократии так возросли, что ей, быть может, нельзя будет более устраняться от ответственного участия в управлении государством.

Керенский с начала революции стал пользоваться очень большой, головокружительной популярностью. В IV Государственной думе он был сначала председателем небольшой группы трудовиков, а затем вместе с этой группой примкнул к партии социалистов-революционеров. В момент переворота, когда восставшие полки подходили к Думе, он со свойственной ему импульсивностью сразу уверовал в победу революции, вышел навстречу к солдатам и от имени Думы солидаризовался с ними. Он был избран товарищем председателя Петроградского Совета, и солдатская масса видела в нем человека,

тесно связанного с Советом и с социалистической партией. Между тем, хотя формально он примыкал к партии социалистов-революционеров, он был по всей своей природе беспартийным индивидуалистом. Идейно он был близок не к социалистической среде, а к той демократической интеллигенции, которая держалась на грани между социалистической и чисто буржуазной демократией. В разгоряченной революционной обстановке его речи, в которых не было определенности, но были отзвуки мыслей и чувств этих двух течений, вызывали бурные одобрения и на солдатских массовых собраниях, и в обывательской внесоветской среде.

Он хотел быть надпартийной, общенациональной фигурой. Замечательно, что Керенский, имя которого впоследствии стало синонимом слабого, безвольного правительства, имел большие субъективные наклонности к сильной власти, командованию. Если бы с этими наклонностями он соединял силу характера и организаторские способности, он смог бы играть в событиях революции гораздо более существенную и положительную роль, чем та, которая выпала ему на долю.

В Исполнительном комитете его не считали вполне своим. Он любил эффектные жесты, показывавшие его независимость от организации, к которой он номинально принадлежал. Например, в качестве министра юстиции он освободил из заключения генерала Иванова³, пытавшегося в первые дни революции повести войска против Петрограда. Когда по этому поводу против него в Исполнительном комитете раздались нарекания, он, вместо того чтобы объясниться с руководящим органом Совета и изложить ему мотивы своего поведения, вдруг неожиданно появился на пленарном собрании солдатской секции и перед этой массой произнес истерическую речь о том, что он предан революции, что он «привел» в Думу революционные полки, что против него раздаются несправедливые нарекания, которых он не намерен терпеть, и т. д., и т. д.

Ни о чем не осведомленные солдаты слушали его с сочувствием и, конечно, наградили бурными аплодисментами, которые Керенский истолковал как знак доверия со стороны Совета⁴.

Подобные инциденты вызывали раздражение в Исполнительном комитете, и левые несколько раз предлагали публично дезавуировать Керенского, что, несомненно, подорвало бы его политическое положение. Но большинство Исполнительного комитета улаживало такие инциденты путем частных переговоров, так как, в общем и целом, считало очень полезными и присутствие Керенского в правительстве, и его популярность.

В основных вопросах, внутренних и внешних, Керенский сообразовал свое поведение с линией Совета. Милюков в своей «Истории» называет его даже циммервальдистом. На самом деле характерной чертой Керенского был экзальтированный национализм. Идеология великодержавия и экспансии России была для него более привлекательна, чем, например, для князя Львова или Некрасова. Но Керенский считался с влиянием Совета и с настроением масс и поэтому поддерживал советские требования о пересмотре целей войны, борясь внутри правительства против Милюкова, с которым к тому же личные отношения у него были довольно плохие. При этом его очень оскорбляло то, что Совет не удовлетворялся его оппозиционной деятельностью, а сам, через контактную комиссию, влиял на правительство.

Раз, вскоре после моего приезда в Петроград, Н. Д. Соколов по просьбе Керенского пригласил меня к себе для встречи с ним. У Соколова я застал Керенского с Брамсоном⁵ и еще с кем-то из его друзей. Керенский в свойственном ему взволнованном тоне говорил о том, что в Исполнительном комитете Стеклов и многие левые систематически стараются его дискредитировать, мешать его работе, направленной к сближению правительства с советской демократией; что контактная комиссия игнорирует его, Керенского, при переговорах с правительством; что формы давления Совета на правительство унижительны и т. д. Когда я ему сказал, что для упорядочения его отношений с Исполнительным комитетом и для устранения всех возможных недоразумений он должен сам наладить постоянную связь с руководящим органом Совета, осведомлять его о своих действиях и поддерживать с ним регулярное общение, Керенский еще более заволновался и стал уверять, что он лишен возможности делать это ввиду его загруженности работой в правительстве, приемами и публичными выступлениями. Я возразил, что и для него, и для общего дела согласованная работа с Исполнительным комитетом важнее всяких приемов. Тогда он внезапно предложил сейчас же отправиться в Исполнительный комитет, чтобы объясниться с ним и наладить постоянный контакт. Мы поехали в Таврический дворец, и здесь, на заседании Исполнительного комитета⁶, Керенский опять жаловался на непонимание, которое он встречает со стороны членов Исполнительного комитета, на затруднения, которые создаются для правительства в результате слишком сильного давления Совета; но в ответ на вопросы, которые ему были поставлены присутствующими, он уклонился от указания, что же именно он считал нужным изменить. Он долго говорил о своем желании поддерживать

связь с Исполнительным комитетом, о своей загруженности работой и ушел, никого не удовлетворив и не условившись о каких-либо способах регулярного контакта.

Те немногие члены Исполнительного комитета, которые были близки с Керенским, как Филипповский⁷ и Брамсон, объясняли его неумение наладить связь с Исполнительным комитетом тем, что он вообще не привык к организационным связям. Но у меня сложилось впечатление, что поведение Керенского объяснялось главным образом другим: номинальную связь с Советом он, несомненно, ценил; она была ему необходима ввиду огромного авторитета Совета в солдатских и рабочих массах. Но он сознательно избегал связывать себя с Исполнительным комитетом слишком тесно, считая, что, оставаясь на грани между советской и буржуазной демократией, он тем самым явится в глазах страны выразителем общенационального характера революции.

В апрельские дни, когда оказалось, что и Керенский со всеми другими членами правительства дал согласие на ноту Милюкова, вызвавшую на улицах Петрограда первые вспышки гражданской войны, популярность Керенского сильно пошатнулась. Большевики и некоторые другие члены левого крыла Исполнительного комитета предлагали лишить Керенского звания товарища председателя Совета. Но большинство Исполнительного комитета продолжало считать, что Керенский при всех его слабостях и недостатках играл и мог еще играть положительную для демократии роль. А потому мы ограждали его от нападков слева.

В этой связи мне запомнился один характерный инцидент, в котором мне пришлось принять участие.

29 апреля, в то время когда Исполнительный комитет сохранял еще решение не вступать в правительство, руководители совещания фронтовых делегатов, заседавшего в Таврическом дворце, попросили меня взять на себя в этот день председательство на совещании. Военный министр Гучков и Керенский должны были выступать на этом собрании. После речи Гучкова, который, собираясь в тот же вечер уйти в отставку, говорил в очень пессимистическом тоне о состоянии армии, слово взял Керенский, чтобы обрисовать в самых мрачных красках положение страны, в которой, по его словам, безответственные люди и организации сеяли недоверие к демократической власти. «Неужели, — говорил Керенский, — русское свободное государство есть государство взбунтовавшихся рабов? Я жалею, что не умер два месяца тому назад: я бы умер с великой мечтой, что раз и навсегда для России загорелась новая жизнь, что

мы умеем без хлыста и палки уважать друг друга и управлять своим государством не так, как старые деспоты».

Эти слова Керенского были воспроизведены с сочувственными комментариями многими газетами и имели среди читателей очень большой успех: правые газеты относили слова о «взбунтовавшихся рабах» к советской демократии, а демократические газеты — к крайним элементам, боровшимся против организованной демократии. Но на самом собрании вопреки газетным отчетам, сообщавшим, что речь Керенского сопровождалась бурными одобрениями собрания, большинство делегатов встретило эту речь очень холодно, так как оратор при всем своем подчеркнутым волнении говорил в туманных выражениях и избегал указывать, кого именно он имел в виду.

По-видимому, Керенский сам почувствовал недоумение, порожденное его речью в среде большинства собрания, так как, покинув трибуну, он снова на нее вернулся и спросил, нет ли каких-нибудь вопросов.

Тогда я поставил ему следующий вопрос. Вы говорили, сказал я, что есть организации и лица, которые ставят препятствия творческой работе правительства. В известных кругах этот упрек направляется по адресу Совета рабочих и солдатских депутатов. Обращены ли и ваши упреки по адресу этого органа, который является центром революционной демократии и руководит ее деятельностью?

Керенский ответил, что его речь ни в коем случае не могла быть обращена против Совета, ибо он сам состоит товарищем председателя этого органа и покинул бы его, если бы не разделял его политики. Он не только не имел в виду направлять свои упреки против Совета, но считает, что Совет является самым надежным оплотом демократического порядка.

Дав это объяснение и ответив на некоторые другие вопросы, поставленные из среды собрания, Керенский покинул заседание. Но в собрании не чувствовалось удовлетворения. Один делегат, член президиума совещания, взял слово и сказал:

— Мы только что слышали А. Ф. Керенского, и его слова произвели на нас тяжелое впечатление. Он обвинял демократию в том, что она сеет беспорядок, и призывал признать бесконтрольную власть буржуазного правительства. Ясно, что мы не можем больше доверять ему. Из всех ораторов, выступавших перед нашим съездом, мы верим одному И. Г. Церетели. Мы должны идти за ним и за Исполнительным комитетом.

Это заявление, встреченное аплодисментами большинства делегатов, показало, что члены съезда, недовольные речью Керенского,

истолковали мой вопрос как желание противопоставить Керенскому и Временному правительству Совет. Об этом же свидетельствовали и несколько записок, посланных мне из среды делегатов, с вопросами, почему Керенский остается товарищем председателя Совета и не является ли поставленный мною вопрос выражением недоверия ему со стороны Исполнительного комитета. Поэтому, обращаясь к собранию, я сказал, что поставил вопрос Керенскому не потому, что подозревал его во враждебном отношении к Совету, а потому, что заранее предвидел тот ответ, который он и дал на мой вопрос. Моя цель была, сказал я, внести ясность в положение и получить от Керенского категорическое заявление, которое мы можем противопоставить утверждениям клеветников, ведущих кампанию против Совета и стремящихся вызвать разрыв между Советом и Временным правительством.

Вслед за тем от имени Исполнительного комитета я сделал съезду доклад, в котором обрисовал взаимоотношения между Советом и Временным правительством, подчеркивая согласие, царящее между ними во всех основных вопросах, и прежде всего в вопросе о войне.

Эта речь разрядила создавшуюся на съезде тяжелую атмосферу. Перед закрытием заседания один из делегатов взял слово, чтобы заявить, что нападки на Керенского со стороны члена президиума, выступавшего на съезде, были неуместны. В свою очередь, этот последний сделал заявление, в котором он, по существу, брал обратно то, что сказал против Керенского.

В этом инциденте отразились те своеобразные отношения между Керенским и советской демократией, о которых я упомянул выше.

